

КОСТЕР НА ВЕТРУ

Рассказы

МАКДОНАЛДС

Где-то в межзвездных пространствах Земля выдвигается из тьмы своей зеленой синевой. И вот — огромный Советский Союз. Поверх карты неба кладется карта страны, аббревиатура которой была как три вознесенных серпа — это для тех, кто помнит последнюю «Р» как «Радость», или же три плетки — кто читал как «Рабство». И вот, наконец, карта Москвы, и тут мы через оптику воображения уже видим в кадре руку, которая положила пальцы, как хорды современного купола, на центр столицы нашей, да, нашей Родины. И властный указательный палец, редковолосый, как нога тарантула, украшенный перстнем с остро сияющим камнем, приподнялся и ударил: здесь. И еще раз хлопнул по тому же месту: да, так тому и быть. И было назначено возникнуть первому нашему Макдоналдсу близ Пушкинской площади и Тверского бульвара.

Долго сказка сказывается, а такое дело делается споро и скоро. Вот чудо-заведение открылось, и многие потекли толпой отведать порцию капитализма. Очередь овивала Макдоналдс, как удав, стерегущий кладку своих яиц.

И вот уже и ваше время, в котором вы были-жили, делается рисунками на стекле, отпечатками, где йодистое серебро времени выжигает наши силуэты. Оттиски гравюр, отпечатки фотографий... Или такой след, какой дает капля крови, которую берут на анализ, проводят стеклом по стеклу — и между двух пластинок лабораторная дева в белом, ангел, заключает строгую правду о нашем бренном существе.

А мы, живые, мы берем книгу с полки и, предвкушая удовольствие, ищем физиологические очерки о том, как и что едали в старину. О, время московских постов и разговений! Как в отсутствие похлебки из требухи, розовой ветчины с хреном, мясных пирогов и прочего скоромного утешались расстегаями с вязигой, ухой стерляжей, икрой зернистой, груздями да рыжиками солеными, сбитнем на меду. Желудок тоскливо воет, как волк на луну, при одних мыслях о давнем невозвратном. И мы, оставляя книгу недочитанной, тоскливо утешаемся наличным содержимым холодильника, заглядывая в даль времен, где и за двугривенный могли дать рубца, требушиной похлебки, а водочки вы уже приняли, сорвав сургуч с мерзавчика теркой, заботливо приделанной властями к стволу дерева на «гульваре». Эх... да... кгм...

А если вы из благородных или просто человек «со средствиями», то пожалуйста в ресторацию. Тут перо невольно дрожит в руке моей, то есть на клавиатуре и знаков-то таких нету, чтобы достойно описать тот рай, который бы... если бы мы с вами... Увы.

Память — как антиквар, ждет, когда мусор делается драгоценностью. Трещины на чашке, кракелюры на холсте — знаки высокой стоимости. Выщербинки, червоточинки, желтая амальгама зеркал — все это стоит больших денег. И, о чудо, они есть у тебя. О, как ты богат, — хвалишь ты сам себя, придурок.

Гобсек памяти, наш банкир, копит наши богатства — и отдает их нам же с процентами. И это наша прибыль, желанная маржа. Богат я, казны не считаю. Мот, я швыряюсь накопленным.

Под унылое содержание холодильника неплохо идет старина. Начнем, пожалуй, с такой древней, что там история смыкается с самой природою. Десятый век. Однажды печенеги осадили Белгород. Долго длилась осада, и начался в городе сильный голод. Тогда собралось народное вече и порешило: лучше сдаться печенегам, чем всем умирать с голода. Но сказал один старец: «Не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Велел старец собрать со всего города остатки овса, пшеницы и отрубей, приготовить из них цеж для варки киселя, да поискать меду и сделать из него пресладкую сыту. Затем приказал выкопать два колодца и поставить в них кадушки вровень с землей. В первую кадушку налили кисельный раствор, а во вторую — медовый напиток.

На другой день пригласили горожане нескольких печенегов и привели их к колодцам. Почерпнули ведром из первого колодца, сварили кисель, стали его есть сами да запивать медовым напитком из второго колодца и угощать печенегов. Подивились те и решили, что кормит русских сама земля. Вернувшись, поведали печенеги своим князьям все, что было, те сняли осаду и пошли от города восвояси.

А вот времена не столь мрачные и древние.

Екатерининский олигарх Демидов, к примеру, самолично бросал на дрова в печи пучки заморской корицы, гвоздики, шедших по цене серебра. И приготовляемые кушанья напивались тонкими индийскими ароматами, приводившими знатных гостей к восхищению, а государыню-императрицу к неудовольствию — она не была гурманка и употребляла все больше разварное говядо с солеными огурцами. А вместо десерта — мужчинок.

Были шутки гастрономические. Например, свеклу томили в печи особым образом, и она делалась прозрачная, как рубин. И гости говорили: вау, клево — или что-нибудь в этом роде.

И в то же время старинные народные гуляния были устрояемы как роскошные пиры. Путешественник из Англии Вильям Кокс рисует такую картину народного праздника, случившегося в петербургском Летнем саду в одна тысяча семьсот семьдесят восьмом от рождества Христова году:

«Стол был завален всякого рода яствами... высокие пирамиды из ломтей хлеба с икрой, вяленой осетриной, карпов и другой рыбы, украшались раками, луковичами, огурцами».

Икра «украшалась» луковичами, то есть была предметом из ряда обыкновенностей.

Северюгу с осетриною работный народ вообще недолюбливал. Например, заказчики построения церквей и монастырей обыкновенно заключали с ватагами каменщиков и плотников соглашение, где оговаривалось и кормление. И люди желали, чтобы осетрины было помене, а говядинки — поболее, потому как от нее — сила.

Традиционными в пьющей России были и «рассольные блюда» — «похмелки»: рассольники и солянки. Солянка блюла здоровье нации.

Стрела времени летит из прошлого в будущее, указывает и нам путь. До революции еще далеко, хотя красный флаг уже задействован — он у пожарных означал «сбор всей частей на пожар угрожающий».

Матушка-Москва — город-брюхо. Прихоти ее и насущные надобности неисчислимы. Типичный примерчик, один из сонма тех, какими можно было бы довести вас, читатель, до иступления:

«Уха макарьевская приказчицья. Луковицы наипиговать корицей и гвоздикой, коренья петрушки и сельдерея мелко нарезать, уложить в кастрюлю и залить холодной водой. Воду довести до кипения и опустить в нее куски стерляди и налима. Хорошо проварить до готовности рыбы и снять с огня. Влить в кастрюлю 1/2 стакана мадеры».

А не желаете ли грибную бабку? А расстегай отвечать?

— Да что такое расстегай? — слышу я ваш взволнованный возглас.

Поясняю. Это *«пирог во всю тарелку, с начинкой из рыбного фарша с вязигой, а середина открыта, и в ней, на ломтике осетрины, лежит кусок налимьей печенки. К расстегая подавался соусник ухи бесплатно».*

Ну, еще дичь и птица домашняя, мясо всяческое — это само собою. Борщ хохлацкий с пампушками, щи и прочие супы, к которым полагались кулебяки. И так далее.

Да, а тут еще француз пожаловал со своей ученостью — фуа гра, пюи и прочие штуки. Впрочем, салат оливье стал нашей народной закуской. А винегрет вообще мы подарили миру, и всюду он зовется «салат русский».

Ну, вот мы почти и въехали в новейшие времена.

Котлета по-киевски. Шашлык. Окрошка. Щи супочные. И, прошу прощения, котлета диетическая. Денег мало — молодости и аппетита много. И — сырок «Дружба», «Завтрак туриста», «Кильки малосольные» — на закате советской империи.

Изыски стали проще. *«Горячая закуска «черный хлеб — селедка»: несколько кусочков черного хлеба, 1 луковица, соленая селедка (если есть исландская — хорошо, нет — пойдет голландская, ну а уж если и этой нет — берите любую, главное, чтобы водка хорошая была). Яйцо размешать в молоке, в полученную смесь окунуть черный хлеб, выложить его в огнеупорную посуду. Сверху разложить нарезанный тонкими кольцами лук и кусочки селедки. Запечь в хорошо разогретой духовке (5-10 мин.)».*

Именно — «5-10 минут». Это и есть Макдоналдс.

И вот у нашей младшей первый юбилей. Оле десять лет. Взрослые приятно возбуждены: есть повод закатиться куда-нибудь и со вкусом провести время — то есть покушать и выпить. С утра мы в Интернете — всякие заведения и «кухни народов мира». По дому носятся пахучие слова:

— Суп харчо из осетрины с орехами! Сациви!

— Вареники з вишнею!

— Холодец с хреном!

— Хумус! Хомон! Шишкебаб!

— Лапша с трюфелями!

Между тем дитя уже одето и обуто и сердитым воробьем хохлится, сидя на подзеркальнике в прихожей.

— Так куда пойдем, детка, что ты хочешь?

И был ее приговор:

— Макдоналдс.

Эта «М», похожая на груди торчком, ныне везде. Фастфуд клянут все, и редко кому удается избежать. Кажется, что эти едалини вечны. Но ничто так не валится и не исчезает вмиг, как то, что казалось вечным. Мы это видели наяву. Уже копятся высотные бури над нашими головами и грозят смести и сместить многое...

И вот пресловутая «оптика воображения» рисует мне:

— Бабушка Оля, а ты была маленькая?

— Была.

Мечтательный вздох.

— И куда вы летали кушать?

— В Макдоналдс, детка.

— А что это такое?

— Фастфуд. Тогда молекулярной кухни не было. Питались по старинке.

— А что еще было?

— Фьючерсы были.

— И что это такое?

— Это деривативы.

— Что это?

Кольцо с мыльным раствором (эта детская забава оказалась долговечной) подносится ко рту, и великолепная вереница радужных пузырей пускается в бабушку.

— Правда, детка. Это как раз пузыри. И почти все они лопнули. И много чего уж нету...

ВЕНЕЦИЯ

Весна со своим половодьем вконец испоганила нашу местность, но все-таки веселей как-то.

Вот зимой взять — мерзость всякая скрыта под снегом, а какое дерьмо набирается по ходу действия пьесы с названием жизнь, то снегом чистейшим опять шито-крыто. Но зимой плохо, и с закутков гонят. Раньше в коровнике спасался, грелся от навозу, навоз ведь живой, а уж про коров и говорить нечего. Эти живее всех живых. Маленько поработаю — меня и не гонят, и молочка с хлебушком дают. Но теперь все разорили, и жить человеку стало совсем никакой возможности.

Заборы еще более покосились и похожи кто на слеш прямой, кто на слеш обратный. Это их мерзлота выдавливает из земли, как глубоко столбики ни вкапывай. Земля здесь вообще все человеческое выдавливает из себя, валит, гонит и гнетет. Мы-то ее, землю нашу, любим, а она нас — нет.

Сегодня возле избушки с гордым именем «Гастроном» съезд гостей. Дают разливуху. Эту эссенцию стоит хотя бы понюхать для пушего познания действительности жизни.

Вот спускается с крыльца, галантно поддерживаемая за ручку, здешняя примадонна. «Фонари» под ее глазами делают лицо трагически выразительным. Но Танька (а именно так зовут героиню) весела, как и все, кто ждал привоза нектара. С утра она уже сделала ходку, а может, и не одну. И Танькины ноги рисуют вензеля, расписываясь в совершенной невозможности свершать движение к дому, который и отсель видать. Занавесок на окнах нет, стекол тоже почти нет, а есть куски фанеры да старый ватник, которым заткнули дыру после очередной, видать, дискуссии.

Но хибара Танькина с хахалем — там, а сама Татьяна — тут. И эту дилемму надо как-то решать. Помочь вызывается другой такой же персонаж. Он бесформенный, на кудлатой башке — бескозырка, на теле, голом и черном, в цвет кочегарки — клочковатая шуба, делающая его похожим на обдристанного медведя.

Путь предстоит неблизкий — метров двести, а с петляющей ногами бабой, считай, вдвое, потому моряк в шубе требует нацедить одну бидонную крышку авансом.

Тут на ножках колесом подкатывает к мамке один из ее четверых.

— Дай-э-э... — гундосит он, пуская дебилные слюни себе на подбородок.

Танька дает ему глоток портвейна под неодобрительные комменты собравшихся.

— Много нельзя, только для витамину, — говорит Танька педагогически и оглядывается вокруг, ища одобрения.

Между речным заливчиком и первой улицей — болото. Туда сваливают всякое. Одна большая шина от «Беларуси» не легла плашмя, осталась торчком. И когда солнце поднимается, то с этой точки, от магазина, оно глядит как раз сквозь огромную шину, как око сквозь фингал. Только никому этого не видно, потому как магазин еще об эту пору закрыт, и делать на пригорке нечего. Старый сторож-татарин спит в своей каптерке, без сторожа магазину нельзя — залезали не раз. Называется — колупнуть. Откуда знаю? Так ведь я из здешних, хоть давно здесь только наездом, с мольбертом, а и я ведь тоже пацаном был, и мы шалили не по-детски.

Вот и друг мой, который лишился хорошей жизни в коровнике. Я ему не говорю, что его портрет в телогрейке сделал мне имя, его и меня в заграницах знают. Народный русский типаж получился удачно. Сколько ни пробовал повторить успех — не получается пока. Я ему не говорю, что он тоже знаменитость, с его васьковой приголубью глаз и ручищами узластыми на коленях, в треухе с красной звездой. А то вконец замучает просьбами магарыча.